

Эдуард ВАЙСБАНД

Эдуард Вайсбанд родился в 1973 году в Киеве. С 1997 года живет в Израиле. Учился в Иерусалимском университете. Книга стихов «Общезитие» опубликована в издательстве «Водолей» в 2015 г. Публикации стихов под псевдонимом Эдуард Розентейн: «Иерусалимский журнал», «Воздух», «Волга»; под псевдонимом Арсений Былинкин: TextOnly.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Снова пробираешься вдоль стены,
молодость, снова партизанишь в городе детства.
Зеркальные витрины раскусили твою игру,
и манекены требуют предъявить документы.

Распластанная как Чезаре вдоль стены
ты не отбрасываешь тени, поскольку тень
здесь ценится превыше всего, а что ты можешь
предложить кроме мокрых пятен подмышек.

Прицениваясь для конспирации к этим бусам, берегись:
их смарагдовый глаз ловит измену.
И покатаются, подпрыгивая вдоль Кинг Джордж,
наши годы, как раскатыстые хлопки торговцев ниже спины:
«Шармута!»

Скоро по Яффо пустят трамвай, и волны
туристов в шикарных шортах накроют
доисторический пляж в городе без реки, где нас
прибывает к берегу как опознанных и неопознанных.

Иерусалим, 2018

голый завтрак, пропавший жених
возле рынка задрипанный дворик
мы снимали тогда на двоих
этот старый заплатанный коврик

мой возлюбленный бел и румян
немцы бабушке что-то платили
не пособие а стыд
или срам
на него мы с тобою и жили

свальный дред наших тел и голов
как чужой пахлавy половинка
мы не воры наш жалкий улов
ввечеру пред закрытием рынка

дверь раскрой и оставь нараспах
это будет твой маленький спойлер
а пока мы кормились в гостях
и к зиме собирали на бойлер

Двадцать лет назад
все написали о ней свои лучшие стихотворения
и разбрелись по домам.

Голый холмик земли
еще какое-то время вызывал острый стыд,
как только что побритый.

Потом автоматически включится приступ остервенелости
в здоровом инстинкте самосохранения серости,
в делении несчастной шкурки мертвого шмеля,
в растягивании ее на стене в шкуру трофейного леопарда.

Двадцать лет назад
нам всем на миг что-то показали,
отчего мы согнулись пополам как от удара под дых.

Девочка доверчиво разжала ладонь,
по которой щекотно неуклюже ползал
выставленный напоказ срам смерти.

2021

Мы с минуту помолчали
резко понизив уровень подлости в мире

политика продержания давала свои плоды
начали проступать контуры воздуха, но дышать им было еще нельзя

или уже можно?

и некролог бежал как всегда все пропустив
что-то мыча и силясь стащить с головы свой идиотский противогаз.

2021

Выбросили посередине пустыни и сказали «сторожи».

И джип унесся, оставив столп пыльного джинна.

Я оглядел голую строительную площадку под торговый центр
и понял, что мне здесь жить.

В принципе, я не против здесь умирать.

Вдали вились огоньки кизячного жилья.
Не то Рамла, не то Рамалла, я не уточнял.
Меня выбросили, меня забрали, отмотал смену.

Ночью он вернулся: *это моя пустыня*.
Зовут холод камня или голод Каина, теперь все равно.
Начал с пальцев ног, обгладывая кости, изголодался.

Но подожди не делай этого подожди.

Лучше обмотай ступни обрывками газет подожги
чтоб огонь пританцовывал как на котурнах в античном театре
в сандалиях с развевающимися последними терактами.

Между нами пролегли как минимум два века,
два языка и две страны.
Но любоваться, как на старых фотографиях, было нечем.
Мы стояли на остановке под этим страшным солнцем,
как под душем, который смывает не только глянец, но и кожу.

— Не скажете, который час? —
Я спросил вдруг так, как будто просил купить у меня
бабушкины золотые часы
или продать фальшивый паспорт,
по которому еще можно перейти границу и спастись.

Поздно, слишком поздно.
Мы сели в автобус, как в машину времени,
которая разнесла нас по разным уголкам галактики.

хохмачи попадешь в палачи
хохмачи

я часто думаю
что общего между вальяжным любителем хорошо посидеть
под качественную закуску
как он по-барски брал гитару в по-женски холеные руки
как снисходительно подносил спичку к папиросе хозяйки дома

или например что общего
между священной блудницей из Кирьят-Оно
ее увядающая грудь в разноцветных тряпках
склонялась над снами местных бухгалтеров
и их сыновей и они причмокивали во сне губами
потрескавшимися от жажды

и одинокой религиозной старухой
с детства с поломанным как от инсульта ртом

сейчас все больше понимая музыку
я часто думаю как я был в юности
к ней несправедлив
несправедливо требователен даже жесток

сейчас все больше становясь сам как музыка
старой неряшливой музыкой с трясущейся головой
и обкусанными как ногти локтями
я часто думаю что общего

он здесь стоял и часть его лица составляла ансамбль
уличного питьевого фонтанчика

что сказать о находке?

как истинный эллин, он добавлял воду к коле
три к одному

как истинный смертный
плакал когда смеялся

все же удалось отодрать
хотя бы один ломая ногти
два-три бесценных
оттенка песка

сейчас украшают

чью-то гортань

потрогай пока никто не видит

приваренные так чтоб нельзя было унести
милые ямочки как на щеках
гулкая ржавь из разжатой горсти
мраморный пар из пронзенного сердца

наверное только в таком дешевом формате
только таким отбитым по самое горлышко речитативом
подбирая такт старинной пяткой

мелкие смыслы лезут в душу как мелкое жулье
скажите, кто вам создал эти спецэффекты?

осталось только проверить
кто сегодня у меня на подтанцовке
дырявые ступни и дело швах
все кажется на местах
можно начинать
моя бедность и ничтожество создали эти спецэффекты

спой Шоши
страшненькая моя
песню украденную у цыган
как собачонка сама увязалась за тобой
песня ставшая национальным гимном
народа который до сих пор

нет, нет у меня молитвы
но возьми вот этот
прирученный столбик песка

слышишь, слышишь?
сокрушенные сердцем поют

всего обыскав
нашли только этот притоп
откуда украл?
из какой йеменской деревни?

неправда
я сам
сколотив труп
отправился с ним
на гастроли

по провинциям

и бежали
рассекая воздух
два скелета в одном
шафрановом шарфу

Мы плывем на лодочке,
легкий парус сначала был крылом птицы,
потом он станет крылом самолета,
мы знаем об этом и наш взгляд немного грустен.

Мы как дети, которые немного смутились,
когда им объяснили откуда они взялись.

Потом мы станем искусством и памятью,
средством передвижения для других людей в дальние дали,
мы знаем об этом и наш взгляд немного грустен.

Парус счастливо надувается под порывом ветра,
между морем и небом он научился ходить как по земле.

2021